

А. Луначарский

Три кадета

Памфлет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Луначарский**
Три кадета: Памфлет / А. Луначарский – М.: Книга по Требованию, 2014. –
162 с.

ISBN 978-5-458-54807-6

ISBN 978-5-458-54807-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Вы собираетесь, какъ я слышалъ, писать о кадетяхъ?» спросилъ меня недавно одинъ безпартійный collega. Я отвѣтилъ утвердительно. Collega взглянулъ на меня довольно сурово: «Вѣдь ругаться будете? Эхъ, не время! Правительствс ихъ жметъ, въ подполье гонить, а тутъ еще слѣва все та же пздѣвка, все тотъ же свистъ!»

Но боже мой! неужели такъ ужъ и нельзя ничего сказать о кадетяхъ, кромѣ ругательствъ? Партія народнои свободы не ничтожная и не эфемерная величина, и ни въ какой періодъ времени не можетъ бояться критики. Это не то, что партіи-однодневки, вродѣ, напримѣръ, радикаловъ или свободомыслящихъ, которыя дѣйствительно могли умоляюще поднять глаза на критику и, сложивъ руки, прошептать:

«Такъ коротокъ мой вѣкъ,
Онъ не долѣе дня, —
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня!»

Кадетская партія выживетъ. Конечно, когда я пишу эти строки, для меня, какъ и для всей Руси великой, оста-

ется вопросомъ, что сулитъ намъ ближайшее будущее, но наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что кадеты вернутся въ Думу, въ меньшемъ, пожалуй, количествѣ, но умудренные опытомъ, еще болѣе змѣни мудростію, еще болѣе голуби кротостію, и сдѣлаютъ новую попытку столковаться, пойдя на большія уступки.

Оставимъ на минуту въ сторонѣ отъ учета великую народную волну, которая бурлитъ теперь глухо въ какихъ-то провалахъ и глубинахъ, оставимъ въ сторонѣ эту медленную (охъ, тяжела на подъемъ матушка Русь), но прочную работу самоорганизациі, результаты которой, вѣримъ, знаемъ, выступать въ одинъ прекрасный день, вонстипу прекрасный и грозный въ величіи своемъ день, чтобы начать съ того мѣста, гдѣ остановилось истинно революціонное творчество, разбившееся о все еще крѣпкую, вѣками организовавшуюся скалу порабощенія, не найдя подъ собою достаточно уже толстыхъ и длинныхъ корней. Оставимъ въ сторонѣ эту работу корней, взглянемъ на поверхность, на ту довольно скользкую плоскую поверхность, по которой вытанцовываютъ свои контродансы господа политики, и посмотримъ, такъ ли плохи шансы кадетовъ, чтобы ихъ жалѣть.

«Клемансо перемѣнилъ круглую шляпу на цилиндръ!» летитъ телеграмма. Головы въ цилиндрахъ склоняются другъ къ другу и шепчутъ: «Клемансо снялъ

цилиндръ». Г. Извольскій долгимъ и острымъ взглядомъ дипломата смотритъ на эту фразу: «Кажется, нашъ»! говоритъ онъ себѣ. И онъ правъ. «Clemenceau est mort, vive Clemenceau!» Мирно спитъ въ гробу журналистъ Клемансо, и, какъ ружье съ гейневскимъ солдатомъ, положено съ нимъ его блестящее въ ядъ обмокнутое перо. Но Клемансо въ цилиндрѣ, улыбаясь лисьею улыбкой въ сѣдину усовъ, сталъ профессиональнымъ дипломатомъ.

О, великій кадетъ! Ты приводишь въ восторгъ своими маневрами, великій кадетъ, великій ловецъ людей передъ Господомъ.—Какъ къ рукамъ пришлись тебѣ социалисты-карьеристы (официально: независимые социалисты), сколько елѣя л्यютъ они на рапы пролетаріата, а палата не жалѣетъ и клея на афишированіе блестящихъ рѣчей твоихъ подручныхъ. «Внутренній миръ»! провозглашаешь ты. Буржуа ежится, ему не по себѣ. Какъ бы этотъ фантазеръ Клемансо не накуралесилъ. Но въ общемъ онъ догадывается, онъ начинаетъ понимать.

«Внутренній миръ! C'est bon!» А бѣдняга Жорестъ, бѣдный «великій трибунъ» совершенно озадаченъ словесностью социалистовъ - карьеристовъ: «Превосходныя слова говорятъ: клентъ, клентъ!» Каждый разъ заражается онъ гэдистскимъ электричествомъ и по совѣсти готовъ «разоблачать Клемансо», но каждый разъ разря-

жается онъ, распускается въ душистыхъ теплыхъ волнахъ министерскаго краснорѣчія, совершенно соціалистическаго, но увѣряю васъ, совершенно соціалистическаго! Старикъ Гэдъ, тотъ видитъ ясно, зорко, не проведешь ветерана пролетарскаго движенія: Клемансо морочить рабочихъ, развращаетъ массы ради внутренняго мира, сглаживаетъ углы, замазываетъ щели, онъ уступками и словесностью стремится скрѣпить готовую рухнуть эссъ-твердыню, онъ врагъ, опасный врагъ; ни секунды пощады, ни секунды колебанія; протянуть ему руку хоть на часть, значитъ выступить куклой въ его театрѣ маріонетокъ, гдѣ дается пошлая комедія: «Сотрудничество классовъ, или Великая Франція!»

Почему я говорю о Клемансо? Потому что истинный вождь русскихъ кадетовъ — Клемансо. Клемансо—последнее усиліе буржуазной мысли и воли, послѣдній талантъ (можетъ быть, гений?) буржуазнаго класса, прикащикъ, можетъ быть, даже душеприкащикъ капитала, и молодые потуги нашихъ цыплятъ, еще не сладившихъ съ скорлупою яицъ, сопровождаются сердечнымъ порывомъ къ старому гальскому пѣтуху.

Клемансо снялъ цилиндръ. Извольскій къ нему поѣхалъ съ визитомъ. Чело публицистовъ изъ «Рѣчи» наморщилось. «Кажется, напѣ!» думаетъ г. Извольскій

подъ мягкій стулъ экспресса. «Кажется, ихъ!» съ тревогой думаетъ публицистъ «Рѣчи», кусая перо.

Да, Клемансо снялъ круглую шляпу. Но его круглая голова съ этими шишками надъ бровями осталась та же.

Да, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, оппортунистъ (при всемъ своемъ радикализмѣ онъ всегда имъ былъ—припомните Коммуну), болѣе, чѣмъ когда-либо, склоненъ добродушно улыбаться на цитаты изъ своихъ статей и рѣчей: «*Mais, mon cher, c'est de la littérature, tout ça, voyons!*»

Но онъ — прежній Клемансо по таланту, этого не оцѣнилъ г. Извольскій. Клемансо въ цилиндрѣ! Онъ сталъ дипломатомъ! Но, милый г. Извольскій, есть фাগоты и фাগоты! Г. Извольскій совѣмъ другой фাগоть! Разговорившись съ Клемансо, онъ не сталъ скрывать отъ коллеги, что финансовыя нужды Россіи велики. Но зато все непріятное уже подходитъ къ концу. Столыпинъ такъ искусенъ! Однихъ напугалъ, другихъ купилъ. Терроръ симптомъ разложенія революціи. Кто же этого не знаетъ? Судороги, агонія! Дума! Она будетъ созвана. Конечно, она, можетъ быть, будетъ будировать, но если намъ дадутъ немножко денегъ, она у насъ скоро-скоро станетъ шелковая. Словомъ, мы въ силѣ, мы на верху горы. Убери же Бомпара, который не хочетъ понять этого. Намъ нельзя имѣть посла буржуа. О, мы уважаемъ буржуазію и у себя, и за рубежомъ, но теперь въ силѣ—мы! Нужно

посолъ, который понялъ бы, что революція въ Россіи окончена.

Вѣжливый отказъ и лисья улыбка въ сѣдину усовъ. «Постой же, старый якобинецъ!» думаетъ г. Извольскій, кажется, ты ребячишься—тѣпишься т. наз. идеалами, но ты не знаешь силы процента! Неужели парижская биржа откажется на выгодныхъ условіяхъ снять съ плечъ русскаго мужика послѣднее рубище? Мы будемъ апеллировать отъ тебя, старая газетная крыса, къ настоящему повелителю Франціи—къ биржѣ». Помните у Мольера сцену, въ которой Гарпагонъ восклицаетъ: «Она беретъ ее безъ приданаго!» «Безъ приданаго?»—«Да»—«А! ну, тогда я ни слова—это такъ убѣдительно!... Правда, ваша дочь можетъ сказать, что бракъ великое дѣло, что выйти замужъ—значитъ рѣшить вопросъ счастья или несчастья цѣлой жизни»...—«Безъ приданаго!»—«Вы правы, это рѣшаетъ все. Кто-нибудь, пожалуй, станетъ говорить, что сердцу дѣвушки нельзя приказывать, что...»—«Безъ приданаго»—«Да, да... конечно... Тутъ самъ чортъ рта не разинетъ!...» Такъ же магически дѣйствуютъ слова: большой процентъ! Тутъ самъ чортъ долженъ молчать.

Но банкиръ понимаетъ уже немного своего Клемансо. «Банкиры Франціи», говоритъ Клемансо, «неужели вы полагаете, что я глупъ и не понимаю, кто правитъ во Франціи? Да, да, капиталъ остается некоронованнымъ

королемъ ея, да, я такой же вамъ *homme d'affaire*, какъ и всѣ мои предшественники. Только я умнѣе и рѣшительнѣе ихъ. Миръ внутри и великая Франція! Вы понимаете, какимъ жирнымъ жаркимъ пахнетъ въ воздухѣ. Приюхивайтесь, почтенные банкиры! Вамъ сулятъ кушъ: Вы возьмете его, онъ не убѣжитъ отъ васъ. Посмотрите: мы крѣпче стянемъ *entente cordiale*, флиртъ съ Италией идетъ, какъ по маслу, а франко-русскій союзъ? Годится ли Россія, какъ союзница? Вправѣ ли она разсчитывать теперь на такое мѣсто! Она будетъ нашимъ вассаломъ! Но поставивъ въ вассальныя отношенія ея нынѣшнихъ безотвѣтственныхъ правителей—смотрите, чѣмъ мы рискуемъ? Во-первыхъ, ежечасно бойся, что ихъ свергнуть, и народная власть посмотритъ на насъ, союзниковъ двуглавою хищной птицы, какъ на враговъ; я не вѣрю даже въ полицейскую сноровку этихъ отжившихъ дикихъ бюрократовъ. Во-вторыхъ, они будутъ красть; сколько бы вы имъ денегъ ни давали—всегда у нихъ будетъ плохой флотъ, армія, никуда негодная, а мы, давая деньги, хотя бы и подъ хорошій процентъ, хотимъ, чтобы они служили намъ, превращались бы не въ порхающихъ балеринъ и громоздкія палаты, а въ пушки и броненосцы на страхъ наслѣдственному врагу; въ третьихъ—они нѣмцы, всѣ эти штатскіе и военные генералы, они нѣмцы, и изъ подъ нашего ла-

кированного башмака будутъ возжелѣть къ задраннымъ усамъ вѣнценоснаго истерика. А между тѣмъ—подумайте, если вмѣсто генераловъ, сядутъ эти милые кадеты? Вѣдь они отличные ребята, въ реформахъ они не пойдутъ слишкомъ далеко, съ престоломъ поладятъ великолѣпно, позволятъ разжижить себя мирнообновленцами, даже съ Витте, пожалуй, сойдутся и будутъ прочнѣе, умнѣе, честнѣе. На нѣмцевъ смотрѣть будутъ, какъ на враговъ, ибо задранные усы дѣйствительный ихъ врагъ! И русскій народъ будетъ продолжать шлатить вамъ богатую дань!»

«Да здравствуетъ же союзъ народовъ подъ руководствомъ кадетовъ Франціи, Англіи и Россіи, да здравствуетъ блестящая изолированность пышныхъ усовъ! Да здравствуетъ обозоруженіе социалистовъ реформами и рѣчамъ социалистовъ—перебѣжчиковъ!»

И банкиры Франціи одинъ за другимъ величаво пронесли передъ г. Извольскимъ свои большіе животы, пріятно позванивающіе золотыми брелоками, и каждый, заложивъ руки за спину, сказалъ: «Ни одного су! соби-
райте думу».

И ощутилъ г. Милуковъ легкій зудъ въ пальцахъ, сладостное предвкушеніе долгожданнаго портфеля. Уже поглядываетъ онъ на окна пыльных магазиновъ—думаетъ: «Замѣню ли я тогда мою шляпу цилиндромъ?» О грезы, близящіяся вновь къ осуществленію, то свѣ-

тящія, то меркнуція! «Равненіе направо!» командуетъ Милюковъ, и «Vive Clemenceau!»

Быть можетъ, это ошибка. Быть можетъ, такъ и не будетъ. Но, однако же, это очень вѣроятно *).

Критика кадетовъ большая задача. Не только критика російскаго кадета въ его специфическихъ чертахъ, но въ его общихъ европейскихъ чертахъ. Грядутъ великіе и малые соглашатели. Данайцы несутъ свои дары пролетариату. Данайцы несутъ ихъ и крупной буржуазіи, въ Россіи и верховной власти. «Овцы будутъ цѣлы», говорятъ данайцы. «Волки будутъ сыты», говорятъ данайцы. Политика пролетариата—недовѣріе.

И въ томъ лагерѣ, тамъ, за раззолоченными кулисами, повторяютъ, озираясь выпедшими изъ орбитъ глазами: «Не довѣряйте, не довѣряйте, никому не довѣряйте». «Никто намъ не вѣритъ», говорятъ кадеты. «Но они такъ ненавидятъ другъ друга! Правительство такъ глупо, революція такъ еще слаба, что мы утвердимся. Лавируйте, лавируйте, вылавируете!»

Но я то собственно даже не критикой программы хочу заняться. Соціалдемократы много разъ и очень удачно отмѣчали и собственническіе интересы подъ великодушіемъ кадетскихъ князей и бояръ, и двѣ души,

*) См. постъ-скриптувъ.

трепещущія въ груди партіи: какъ бы угодить и Богу, и мамонѣ, не показаться слишкомъ страшными верхамъ, ни слишкомъ дряблыми низамъ, и безплодный морализмъ, и дешевую хитрость, присущую маклеру, лишенному собственной силы, а лишь учитывающему борьбу другихъ, и поползновеніе заранѣе построить съ лазейками новыи законодательный домикъ, куда поселится когда-нибудь кадетская кума-лиса, снабдить его и атрибутами сильной власти. Ихъ лукавство, ихъ губчатую природу въ борьбѣ, ихъ министеріалистскія вождельнія, революціонную фразеологию и, отъ времени до времени, раболѣпные поклоны—туда. Все это освѣтила социалдемократическая критика.

Я не сдѣлаю этого лучше. Кто можетъ лучше—пусть сдѣлаетъ.

Передо мною возникаетъ нѣсколько иной вопросъ. Какъ приобрѣла эта партія своихъ идеологовъ? Какъ выработала она за этотъ короткій срокъ свою духовную физиономію. Вѣдь у нея есть знамя. Есть свой священный палладіумъ, долженъ быть свой паеосъ! Паеосъ политической пошлости. Это интересно, пошлая соглашательская политика, политическое маклерство, когда оно душа большой партіи въ моментъ большой революціи, должна принять возвышенный обликъ, должна восприниматься, какъ нѣчто безусловно цѣнное. Какъ совер-